
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

УДК 902/904+398

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА КРЫЛАТОГО КОНЯ НА ЗООМОРФНЫХ БЛЯШКАХ ИЗ ДАГЕСТАНА

М. С. Гаджиев, Ш. О. Давудов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье рассматриваются бронзовые бляшки, изображающие крылатого коня, происходящие из различных памятников Дагестана и датирующиеся раннесредневековым периодом (IV–VII вв.). Авторы считают, что иконографический образ крылатого коня-пегаса сложился здесь под влиянием Сасанидского Ирана. В статье приводятся данные о крылатом коне в фольклоре народов Дагестана и в нартовском эпосе народов Северного Кавказа.

The article deals with the bronze plaques, depicting a winged horse, from different archaeological sites of Daghestan, dating from the Early Medieval period (the IV–VII centuries). The authors believe that the iconographic image of the winged horse Pegasus emerged here under the influence of Sasanian Iran. The paper presents data on a winged horse in Daghestan folklore and in the Nart sagas of the Northern Caucasus.

Ключевые слова: Дагестан; Сасанидский Иран; Пегас; крылатый конь; религиозные представления; зооморфные бляхи; фольклор.

Keywords: Daghestan; Sasanian Iran; Pegasus; winged horse; religious conviction; zoomorphic plaques; folklore.

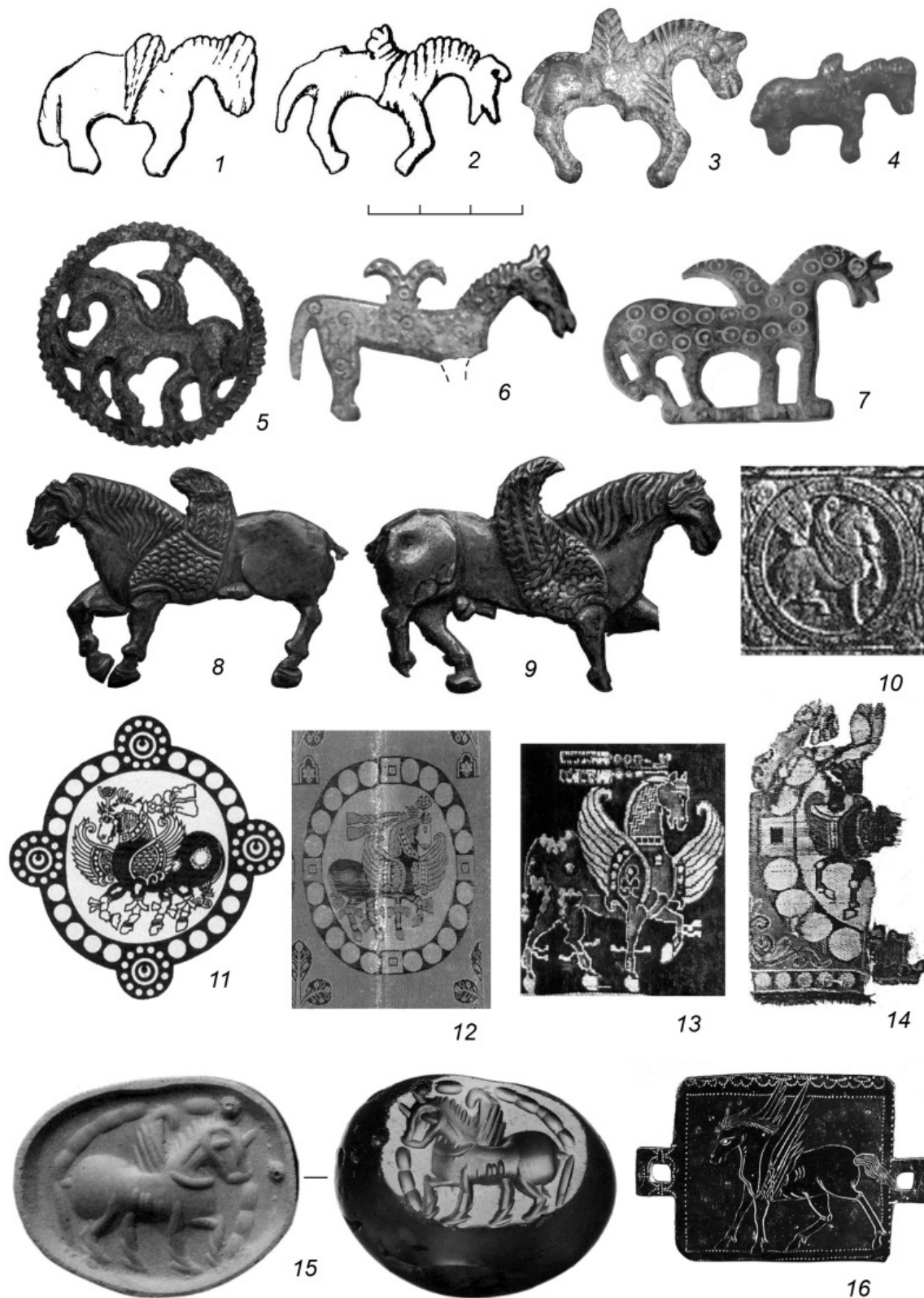
С памятников Дагестана начала раннесредневекового времени происходят несколько бронзовых бляшек в виде фигур коней. Пять из них типологически близки: с цитадели городища Урцеки (рис. 1) [1]; из катакомбы 6 могильника Таргу (рис. 2) [2]; случайная находка в зоне Аркаского городища (рис. 3) [3]; из разрушенных погребений могильников у сел. Хадага (рис. 4) и сел. Уллу-гатаг.

М.М. Маммаев датировал урцекскую бляшку в широком хронологическом диапазоне III–VIII вв. н.э. [4]. Но согласно разработанной хронологии городища [5], эту бляшку, найденную в составе «клада» вместе с характерными небольшими ($d = 2.5-3$ см) литыми бронзовыми привесками с 14-гранной бусиной на конце и другими предметами в слое заключительного периода существования памятника, следует относить к V – нач. VI в. Катакомба 6 могильника Таргу датируется рубежом VII–VIII вв. по пряжке с геральдическим щитком [6], близкой по форме к подобной пряжке из катакомбы 7 могильника Чми, найденной вместе с монетой Хосрова II Парвиза (591–628) [7]. Комплекс находок, происходящих из разрушенного Хадагинского могильника и включающий в т.ч. янтарные грибовидные и гагатовые топориковидные подвески, датируется IV–V вв. н.э. К V–VI вв. относятся и материалы из могильника Уллу-гатаг [8]. Таким образом, бляшки этого типа в целом могут быть широко датированы в интервале IV–VII вв.

Бляшки отличаются стилистическим сходством и единой техникой исполнения. На них изображен обращенный вправо конь в спокойной статичной позе, со слегка опущенной головой и немного подогнутыми ногами. Все фигурки имеют лицевую часть в виде барельефа и несколько вогнутую оборотную сторону, образовавшиеся за счет усадки металла. Они были отлиты в одностворчатых литейных формах и подвергнуты дополнительной обработке по холодному металлу.

Отличительной чертой бляшек является выступ, изображенный на спинах коней. Его трактовали как стилизованное изображение седла или всадника. Однако бляшки из Хадага и Аркаса, на которых эта деталь изображения более

проработана, позволяют видеть в ней изображение крыла с линиями-насечками, обозначающими перья. Учитывая представительность данного типа бляшек, изображающих крылатого коня, и отсутствие им прямых аналогов на сопредельных территориях, эти изделия можно считать продукцией местных мастеров.

Образы крылатого коня: 1 - Урцки; 2 - Таргу; 3 - Аркас; 4 - Хадага; 5 - Западный Дагестан;

6 - Камунта (Осетия); 7 - Византия; 8-9, 11-15 - Сасанидский Иран; 10 - Китай, согдийский погребальный памятник; 16 - Парфия, Масджид Сулейман (Хузистан, Иран) 1, 2 - 33
по: Давудов, 1978; 6 - по:
Уварова, 1900; 7 - по: А.Р.-Л., 2010; 8, 9 - по: Тревер, Луконин, 1987; 10 - по: Juli-

---

К описанным бляшкам примыкает и случайно найденная бляшка из Западного Дагестана, изображающая обращенного влево крылатого коня, заключенного в круглую рамку с имитацией перлов (рис. 5). Эта бляшка выбивается из типологического и стилистического ряда и датируется, вероятно, более поздним временем (VIII–IX вв.?). Хотя она иконографически близка к изображениям крылатого коня в круге с перлами на сасанидских тканях (рис. 11, 12, 14).

В отличие от Дагестана, изображение крылатого коня крайне редко встречается в древностях Северного Кавказа: единственное известное нам изображение – это плоская бронзовая привеска (?) из могильника Камунта (Осетия) (рис. 6), достаточно реалистично изображающая коня (передняя нога обломана), тулово и стилистически показанные крылья которого украшены пуансонным орнаментом [9]. Данная фигурка, очевидно, является репликой подобных по форме и декору византийских фибул V–VII вв., изображающих Пегаса [10] (рис. 7).

Другие ближайшие хронологические и территориальные параллели уводят в сасанидский Иран, где образ крылатого коня был достаточно популярен и представлен в художественном металле, камне, шелке, штке. В качестве аналогов, которые, возможно, послужили прообразами дагестанских бляшек, можно назвать две серебряные накладные пластины VI–VII вв. из собрания Государственного Эрмитажа, изображающие стоящего (в одном случае вправо, в другом – влево) коня-пегаса в канонической позе с приподнятой передней ногой (рис. 8, 9) [11].

Изображения крылатых коней также встречаются на сасанидских шелковых тканях (рис. 11–14) [12]. Под влиянием сасанидского текстиля изображения божественных крылатых коней появляются в раннем средневековье в Центральной Азии (Согд) и Китае [13]. Ткани с изображением крылатых коней и других животных (кабаны, гуси, сенмурвы, павлины, архары) украшают одежды высшей знати – послов из Чаганиана – на фресках Афрасиаба [14]. Как отмечала А.А. Иерусалимская, «одежда из шелка с сенмурвами, показанная на самаркандской росписи, отделана безусловно сасанидским шелком с крылатыми конями» [15]. Здесь необходимо отметить, что подобные сасанидские ткани, точнее готовые изделия – халаты, выступавшие символическим знаком власти, поступали на Восточный Кавказ, в том числе и на территорию Дагестана. Хамза Исфакхани, рассказывая об утверждении шаханшахом Хосровом I Ануширваном (531–579) восточнокавказских правителей в их правах и владениях, сообщает, что Хосров «одарил каждого из предводителей (куввад, ед. ч. каид) в день назначения его на охрану определенной ему пограничной области (сагр) халатом (каба), разрисованным различного рода рисунками. Предводитель носит титул по названию того рисунка, что на халате. Так появились имена: баграншах "шах кабанов", ширваншах "шах львов", филаншах "шах слонов"…» [16]. Безусловно, в этом сообщении речь идет о хорошо известных по археологическим и иным данным сасанидских тканях с изображениями тех или иных животных.

Крылатые кони – популярный сюжет и на сасанидских геммах [17]. Как правило, на этих геммах изображен один конь, обычно с приподнятой в шаг передней ногой (рис. 15), иногда в статичной позе – на четырех прямых ногах. Редко изображены два крылатых коня – в геральдической статичной позе, обращенные мордами друг к другу и стоящие по бокам стилизованного древа жизни, или шагающие друг за другом. Также редко представлены геммы с изображением протомы крылатого коня.

Среднеперсидские надписи, представленные на сасанидских геммах с изображением крылатого коня, имеют лапидарный характер и в большинстве своем несут религиозно-этическую нагрузку («праведность», «божественная справедливость», «помощь богов / упование на богов»), что подчеркивает связь образа пегаса с небожителями. Крылья в иконографии коня также являются указанием на связь с небом, на небожителство, на божественность.

Крылатый конь в иранской мифологии – это не только символическое изображение созвездия, но и образ, который, как известно, тесно связан с

божеством дождя Тиштаром/Тиштрией (Сириусом) и с солнечным божеством Михром (Митрой), инкарнацией которых он выступает.

Учитывая тесные политические, экономические и культурные связи Дагестана и Ирана в IV–VII вв., его огромное влияние на Восточный Кавказ, представляется вероятным, что иконография коня-пегаса на представленных бляшках из Дагестана исходит именно из сасанидского Ирана. Заметим, что ни до, ни после указанного периода образы крылатого коня не представлены в памятниках Дагестана. Однако сам этот религиозно-мифологический персонаж, очевидно, имеет здесь более древнюю подоснову. На это, по-видимому, могут указывать данные фольклора народов Дагестана и Северного Кавказа в целом.

Как известно, образы крылатых коней, связанных с древнейшей космогонической системой, с обожествленным небом, с водной стихией и т.п., занимают немаловажное место в фольклоре многих народов мира, в особенности индоиранских и тюрко-монгольских. Представлены они и в фольклоре народов Кавказа, в т.ч. Северного Кавказа, и особенно в нартском эпосе [18].

В нартском эпосе абхазов нарт Сасрыква скачет на крылатом коне Бзоу, а богоборец Абраскил на коне Араше поднимается в поднебесье и, рассекая саблей облака, извлекает молнию. В карачаево-балкарском эпосе нарты на крылатых конях во главе с Ерюзмеком улетают на небо, а другие – опускаются под землю в нижний мир; верный крылатый конь Гемуда нарта Алаугана и его сына Карашауая летит как ветер. В кабардинском – нарты взлетают в поднебесье на крылатых конях. В осетинском – нарт Уастырджи спускается с небес на землю на крылатом коне Авсурге, летящем как птица; конь нарта Сослана – «стальнокопытный», «крылатый»; Барталаг прилетает на крылатом коне в гостеприимный нартский двор; конь героя Хамыца – Дур-дура (← араб. Дул-дул – кличка коня праведного халифа Али) – «белый, как лебедь», «летающий, как коршун», обгоняющий ветер. В ингушском эпосе в одном из преданий сообщается, что знаменитый нарт Соска-Солса на крылатом коне перескакивал с горы на гору, разрубая их своим богатырским мечом; щели в скалах – от его меча – сохранились до сих пор [19].

В сказках народов Дагестана (аварских, даргинских, лакских, лезгинских) также представлен образ чудесного крылатого коня, связанный как с небом, так и с водной стихией. Крылатый конь предстает волшебным существом, стремительным и быстрым, как птица, обитающим в море и на небесах, на рассвете вылетающим из моря, облетающим земное пространство, подсакивающим к небесам и также стремительно опускающимся на землю, говорящим человеческим голосом, оказывающим помощь и спасающим своего храброго героя – царского сына [20]. В некоторых сказках он именуется белым конем, что подчеркивает его святость, божественность, связь с водной стихией, со светом, с соляной символикой. Этот образ дагестанской мифологии близок иранскому Тиштару, который имеет обличье белого коня, опускается в море, связан с водной стихией [21].

И здесь следует указать на связь с зороастрийским божеством-звездой Тиштрией/Тиштаром известной дагестанским народам звезды-божества Турши/Туршу/Турше, идентифицируемой с Сириусом [22]. В дагестанском фольклоре с появлением на летнем небосклоне в засушливое время года Турши приходит изобильный дождь, происходят наводнения, наполняются водой источники, из недр земли появляются исчезнувшие, засохшие родники; с Турши связан и запрет купаться.

Также следует отметить сходство образов крылатого коня в кавказском и в частности в дагестанском фольклоре и греческого Пегаса. Эта близость проявляется в их связи с водной стихией, с морем, в белой масти и др. Связи древнегреческой мифологии с Кавказом, с кавказской мифологией давно отмечены исследователями. В основе их лежат древние ареальные контакты населения Кавказа с Малой Азией и Грецией. В этом же ключе может рассматриваться и один из основных вариантов предлагаемой специалистами этимологии имени *Pegasus* из лувийского *pihaššaš*, что означает «молния», или *pihaššašiš* – «сияющий», и *Pihassassi* – местного лувийско-хеттского имени в южной части Киликии бога погоды, представляемого с громом и молнией. Сторонники этой этимологии приводят роль Пегаса, сообщаемую Гесиодом, как доставщика молний Зевсу [23].

Учитывая древние и прочные контакты кавказского и индоевропейского / индоиранского миров, следует отметить, что образ крылатого коня, уподобление коня и птицы распространены не только в хеттско-лувийском (малоазиатско-анатолийском) ареале, но и практически во всех индоиранских традициях. Например, в Ригведе движение Сурьи, Индры, Ашвинов и Марутов на колеснице, запряженной конями, эквивалентно их полету [24]. В индийских и иранских источниках кони часто носят имена птиц, к ним применяется определение «летающие» и эпитеты птицы [25]. В скифском искусстве также встречается образ крылатого коня. Он представлен на архаических топориках-скипетрах и на бляхах парадного убора [26]. Позднее в Скифии образ птицы-коня стал трактоваться в греческой манере и приобрел стилистические черты греческого Пегаса. Таковы крылатые кони на золотых пластинах из курганов Большая Близница и Куль-Оба, на Чертомлыцкой вазе, на ритоне из Уляпского кургана и т.д.

Сложение синкретического образа крылатого коня в изобразительном творчестве индоиранцев относят, по меньшей мере, к концу II тыс. до н.э. В Иране изображения крылатых коней появляются со времени прихода на Иранское плато первых групп ираноязычных племен, а в конце II – начале I тыс. до н.э. они предстают уже в изобразительном искусстве Малой Азии и Греции [27].

Несомненно, что формирование религиозно-мифологического образа крылатого коня связано со степным (подвижно-скотоводческим) миром. На Кавказе он не имеет самостоятельных корней и складывался в контексте контактов с индоиранским миром и, очевидно, одновременно, со сложением культа коня. На территории Дагестана формирование культа коня исследователи относят к скифскому времени [28], в албано-сарматский период же он получил дальнейшее свое развитие [29]. При этом исследователи акцентируют внимание на том, что археологические и этнографические материалы, данные мифологии и фольклора народов Дагестана указывают на тесную связь образа коня, выступавшего олицетворением солнца и символом плодородия, с солярным культом, с культом плодородия [30]. Тесная религиозно-мифологическая связь образа коня с небесным телом предполагает наличие у этого персонажа и крыльев.

Зарождение мифологического образа чудесного крылатого коня в религиозных представлениях дагестанских племен может быть отнесено к достаточно раннему периоду и поставлено в относительную хронологическую связь со временем сложения здесь культа коня. Однако мотив крылатого коня в изобразительном искусстве, фиксируемый по рассмотренным бронзовым бляшкам, сформировался позднее – в начале раннесредневекового периода и, как представляется, под влиянием сасанидской иконографии пегаса. Причем просуществовал он достаточно кратковременный период.

О практическом назначении рассмотренных бляшек мы пока не можем сказать что-то определенное. По-видимому, они использовались в костюме в качестве нашивных бляшек и выполняли не только роль украшения, но и, очевидно, оберегающего амулета и приносящего счастье талисмана. Вместе с тем символическая и семантическая нагрузка этих бляшек в форме крылатого коня, как и многих других зооморфных предметов (в виде быка, козла, барана), в том числе использовавшихся в костюмном наборе, по всей видимости, была обусловлена их связью с развитым и многообразным культом плодородия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котович В.Г., Абакаров А.И., Атаев Д.М., Бредэ К.А., Котович В.М., Путинцева Н.Д. Отчет о работе приморского отряда ДАЭ 1961 г. Махачкала, 1961 // Рук. фонд ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 47. С. 27–28. Рис. 49.
2. Котович В.Г., Котович В.М. Отчет о работе Гамринской археологической экспедиции Института ИЯЛ в 1974–1975 гг. Махачкала, 1978 // Рук. фонд ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 50.
3. Давудов О.М. К датировке некоторых фольклорных сюжетов народов Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 151. Рис. 2.
4. Маммаев М.М. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. 19. Сер. обществ. наук. Махачкала, 1969. С. 205. Рис. 5, 22.

5. Гаджиев М.С. Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002. С. 79-109.
6. Котович В.Г., Котович В.М. Отчет о работе Гамринской археологической экспедиции Института ИЯЛ в 1974-1975 гг. Махачкала, 1978 // Рукоп. фонд ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 50.
7. Обломский А.М., Гавритухин И.О. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 265. Рис. 83.
8. Гаджиев М.С. Древний город Дагестана... С. 193. Прим. 86.
9. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М., 1900. С. 312-313. Рис. 242.
10. А.Р.-Л. (Plontke-Luning A.). Pegasosfibel // Ex Oriente Lux. Schätze aus Oberlausitzer Privatsammlungen. Herausgegeben von Friederike Koch. Museum der Westlausitz. Kamenz, 2010. Nr. 211.
11. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III-VIII веков. М., 1987. С. 119. Илл. 116, 117.
12. Meister M. The Pearl Roundel in Chinese Textile Design // *Ars Orientalis*. Vol. 8. 1970. Fig. 27; Azarpay G. Sasanian Art beyond the Persian World, Mesopotamia and Iran in the Parthian and Sasanian Periods. Rejection and Revival c. 238 BC-AD 642 // *Proceedings of a Seminar in Memory of Vladimir G. Lukonin*, ed. J. Curtis. London, 2000. Fig. 16; *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. Fall 2005. Recent Acquisitions. A Selection. 2004-2005. Vol. LXIII. Number 2. 2005. P. 8.
13. См., напр.: Otavsky K. Zur kunsthistorischen Einordnung der Stoffe, Entlang der Seidenstraße // *Frühmittelalterliche Kunst zwischen Persien und China in der Abegg-Stiftung. Riggisberger Berichte* 6. Riggisberg, 1998. Fig. 103; Marshak B. La thématique sogdienne dans l'art de la Chine de la seconde moitié, du VIe siècle // *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions & Belles-lettres*. 2001. Fig. 22a; Juliano A.L., Lerner J.A. The Miho Couch Revisited in Light of Recent Discoveries // *Orientalis*. Vol. 32. No. 8. October 2001. Fig. 5; Compareti M. The Role of the Sogdian Colonies in the Diffusion of the Pearl Roundel Design // *Ērān ud Anērān. Studies Presented to B.I. Maršak on the Occasion of His 70th Birthday*, eds. M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Venezia, 2006. Fig. 11, 12; Kageyama E. Use and production of silks in Sogdiana // *Ibid.* Fig. 1, 2.
14. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. С. 21, 39-41, 48-50. Рис. 4, 8, 13, 14. Табл. VI, XIX, XXVIII-XXX.
15. Иерусалимская А.А. Новая находка так называемого сасанидского шелка с сенмурвами // *Сборник Государственного Эрмитажа*. Вып. XXXIV. 1972. С. 11.
16. *Hamza Ispahani Annalum libri X*. T.I. Textus arabicus. Ed. J.M.E. Gottwald. Petropoli Lipsiae, 1844. P. 57 (пер. проф. А.Р. Шихсаидова).
17. См., напр.: Göbl R. Der Sāsānidische Siegelkanon. Braunschweig, 1973. Taf. 26; Göbl R. Die Tonbullen vom Tacht-e Suleiman. Ein Beitrag zur spätsāsānidischen Sphragistik. (Tacht-e Suleiman. Ergebnisse der Ausgrabungen. Herausgegeben von R. Naumann. Bd. I). Berlin, 1976. S. 135-136. Taf. 42, 482-499; Берзина С.Я. Древние геммы Востока. М., 2010. С. 166-167, 170-171. № 75, 77.
18. См.: Абаев В.А. Нартовский эпос. Орджоникидзе, 1945; Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957; Мальсагов А.О. Нарг-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970; Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972; Сказания о нартах - эпос народов Кавказа: Сб. М., 1969; Шортанов А. Нартский эпос адыгов (Адыгский героический эпос). М., 1974; Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976; Акаба Л.А. Мифология абхазов. Сухуми, 1976; Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1-3. М., 1989-1990.
19. Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // *Изв. Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы*. Т. 1. Вып. 1. История. Грозный, 1959. С. 197-219.
20. Халидова М.Р. Тотемистические истоки сказочных образов народов Дагестана // *Жанр сказки в фольклоре народов Дагестана*. Махачкала, 1987. С. 15-16.
21. Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004. С. 217-219.
22. Магомедов Р.М., Дзагурова В.П. К изучению земледелия в Дагестане. Махачкала, 1969. С. 19; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 54; Булатова А.Г. Сириус и Орион в сельхозкалендаре некоторых народов горного Дагестана // *Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане*. Махачкала, 1982. С. 15-16; Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989. С. 41-43; Маммаев М.М. Зерехгеран - Кубачи: Очерки по истории и культуре. Махачкала, 2005. С. 125-126.

23. *Bossert H.T.* Die phönikisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe // *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung.* 2. 1952/53. S. 333; *Frei P.* Die Bellerophonessaga und das Alte Testament // *B. Janowski, K. Koch, G. Wilhelm,* (Hg.). *Religionsgeschichtliche Beziehungen zwischen Kleinasien, Nordsyrien und der Alte Testament.* Göttingen, 1993. S. 48f; *Hutter M.* Der luwische Wettergott *pihašsašsi* under der griechischen Pegasos // *M. Ofitsch and Ch. Zinko* (Hg.). *Studia Onomastica et Indogermanica.* (Festschrift für Fritz Lochner von Hütterbach zum 65. Geburtstag). Graz, 1995. S. 79-98; *Иванов Вяч. Вс.* Хеттский язык. М., 2001. С. 232; *Lane Fox R.* Travelling Heroes in the Epic Age of Homer. London, 2008. P. 207f; цит. по: <http://en.wikipedia.org/wiki/Pegasus> (дата обращения: 17.10.2011).

24. *Dave K.* The Golden Eagle and the Golden Oriole in the Vedas and the Puranas // XIII All-India Oriental Conference of Nagpur University, 1946; *Zimmer H.* Myths and Symbols in Indian Art and Civilization. New York, 1947. P. 71-75.

25. *Иванов В.В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от «asva» - «конь» // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Памяти В.С. Воробьева-Десятковского. М., 1974.

26. Там же.

27. *Иванов В.В.* Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках // *Этимология,* 1967. М., 1969. С. 54.

28. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 132.

29. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 169; *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989. С. 63; *Гаджиев М.С.* Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990. С. 57; *Бакушев М.А.* Конь в погребальной обрядности населения Дагестана албано-сарматского времени // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. М., 2004.

30. *Маммаев М.М.* О семантике сюжета борьбы двух коней на зооморфных пряжках Дагестана VIII-X вв. // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 29-34; *Гаджиев М.С.* Бронзовый зооморфный сосуд... С. 57.

*Поступила в редакцию 02.12.2011 г.
Принята к печати 26.03.2012 г.*